

Мила Ефремова

Свет неугасимый

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М60

М60 **Мила Ефремова**
Свет неугасимый / Мила Ефремова – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2026. – 348 с.

ISBN 978-5-6055644-4-7

В книгу поэта, прозаика, члена Союза журналистов России Милы (Людмилы Юрьевны) Ефремовой вошли стихи и проза, созданные автором в течение её шестидесятилетней жизни. Что-то уже публиковалось в вышедших в Якутском и нижегородских издательствах книгах: «Характер» (1985), «Шла, тихонько напевая» (2003), «Лювец бабочек» (2005), «Сказки нашей жизни» (2010), но немало и того, что издаётся впервые, в частности написанное автором в последние годы её жизни.

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива составителя.

ISBN 978-5-6055644-4-7

© Lennex Corp, 2026
© Мила Ефремова, 2026

Мила Ефремова

СВЕТ НЕУГАСИМЫЙ

Поэзия. Проза. Откровения

Москва

Интернациональный Союз писателей

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е92

Продюсер проекта Елена Наливина

Ефремова, Мила
Е92 Свет неугасимый / М. Ефремова. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2026. — 348 с.
ISBN 978-5-6055644-4-7

В книгу поэта, прозаика, члена Союза журналистов России Милы (Людмилы Юрьевны) Ефремовой вошли стихи и проза, созданные автором в течение её шестидесятилетней жизни. Что-то уже публиковалось в вышедших в Якутском и нижегородских издательствах книгах: «Характер» (1985), «Шла, тихонько напевая» (2003), «Ловец бабочек» (2005), «Сказки нашей жизни» (2010), но немало и того, что издаётся впервые, в частности написанное автором в последние годы её жизни.

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива составителя.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ISBN 978-5-6055644-4-7

© Мила Ефремова, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

От составителя

По правде говоря, не представлял, как непросто мне будет написать эти несколько строк, предваряющих книгу Людмилы Ефремовой — поэта милостью Божией, весёлой, переполненной энергией, искрящейся талантами Миланочки, которой в августе минувшего года исполнилось бы семьдесят. Непросто потому, что не понимаю, как можно рассказать в них о человеке-творце, масштаб которого и за тридцать три года подаренной Богом совместной с ней жизни так и не смог осмыслить. Поэтому, предоставив читателю возможность определить собственное отношение к её творчеству, предлагаю просто пройтись по некоторым реперным точкам шестидесятилетней жизни Поэта.

Оттолкнёмся от того, что хоть и начинается одно из её стихотворений строчками: *«Мы шли друг к другу, выбирая путь / По компасу, по карте, по указке...»*, рождение в семье офицера военно-морского флота никаких возможностей «выбирания пути» не предоставило. Появившись на свет под сенью белоснежных хребтов Фанских гор в жарком Душанбе (тогда ещё Сталинабаде), почти сразу же волею военного командования была перенесена она в суровые, ветреные холода городка Видяево на берегу Баренцева моря. Там-то двухлетняя Милаша, встав на табурет посреди кухни барака, в котором проживали

семьи моряков-подводников, впервые заявила о своём даровании, продекламировав экспромт: «Керогаз, керогаз, не пыхти ты на нас!». Потом был город Даугавпилс, и наконец — юность в Горьком: школа, музыкалка, радиофак политеха. И везде — лучшая! Золотая медаль, красный диплом... Но главное, сколько себя помнила — стихи, стихи, стихи! Яркие, сочные, непохожие на всё, что писали сверстники, соратники по литстудии при Горьковском СП СССР, руководимой знаменитым Стариком — прекрасным нижегородским поэтом Борисом Ефремовичем Пильником, литобъединениям «Данко» и «Марафон».

Милочке два годика

В те, называемые застойными, годы для инженера-системотехника завода имени Фрунзе стихотворчество вполне могло остаться, как тогда говорили, самодеятельностью: «вольнодумному» автору не то что об издании первого поэтического сборника — о более-менее приличной газетной публикации невозможно было и мечтать.

И всё-таки Судьбе было угодно распорядиться по-своему. *«В сугробах коченел Речной вокзал... и был, конечно, первый поцелуй... когда за тридцать...»* — написала она после нашего первого свидания, и через несколько месяцев, спасая любовь, укатили мы на край света, аж в Якутск! Без денег, без жилья. С одной лишь верой друг в друга да в твёрдость обещания редактора республиканской «Молодёжки» взять

меня на работу и помочь семье обустроиться. Решиться на такой шаг матери двух маленьких сыновей — безумство храбрых! Но в награду — почти моментальное и безусловное приятие её таланта местной литературно-театральной тусовкой, публикации больших поэтических подборок в литературно-художественном журнале «Полярная звезда», не говоря уже о литературных страницах республиканских газет. И наконец — первая книжка стихов «Характер» в Якутском книжном издательстве.

Потом было ярчайшее десятилетие жизни на БАМе в столице Южно-Якутского территориально-производственного комплекса — городе Нерюнгри, где, во-первых, осуществилась её мечта о работе со словом (Людмила стала корреспондентом городской газеты «Индустрия Севера», членом Союза журналистов России), а во-вторых, выполняя поручение Якутского отделения СП СССР, создала и долгие годы вела литобъединение «Серебряное звено», вырастив из «рабочих поэтов» не одного профессионального члена писательского союза.

Казалось бы, чего ещё? Но только не для Милы с её неуёмной тягой к познанию чего-то нового, доселе ей неведомого. Достигнув высот профессиональной журналистики, она неожиданно для всех устроилась... завлитом Нерюнгринского республиканского театра кукол и, следуя завету любимого поэта Бориса Пастернака во всём стремиться «дойти до самой сути», пошла учиться на театральный менеджмент в московскую Высшую школу театрального искусства при Российской академии театрального искусства. И вновь — отличница! Неудивительно, что в суровые 90-е, когда разрушающаяся жизнь

в «розовом городе мечты» вынудила вернуться в Нижний, Миланя безоговорочно была принята на должность заместителя директора Нижегородского театра оперы и балета.

...Мы будем ещё жить — отчаянно и трудно,
Навязчиво и трубно нас будет звать судьба.
И просыпаться вновь холодным серым утром,
И по дорогам вскользь лететь неведь куда...

Неиссякаемое жизнелюбие, творческая неудовлетворённость и любопытство ещё не раз будут заставлять её менять место работы, профиль занятий и даже... получать новую профессию. Отучившись на кафедре практической психологии НИРО, начала она «лечить человеческие души» не только поэтическим, но и профессионально-врачебным словом.

Приходили ко мне разговаривать разные люди...

.....

...Я их боли смывала по мере своих умений.

Их боли смывала... Должно быть, кровью сердца. А собственная страшная Боль подкралась исподволь. И когда стала явью, возникла дилемма: смириться с ней либо сделать отчаянную попытку одолеть.

Знаешь, что такое Боль?
Изволь.
Так соль,
разъедая тело, горит огнём
в нём...

Последний раз, словно замыкая круг, Судьба выстроила Миланин путь опять в жаркий край. На этот раз в израильский город Ашдод, где профессора клиники Каплан пода-рили надежду, которой она жила ещё два с лишним года...

Шла, тихонько напевая,
башмачками топоча...
...свет неслышно погасила
и ушла, как не была.

А вот — дудки! Свет души твоей, Поэт Мила Ефремова, твоего облачённого в поэтические строчки таланта погасить невозможно, ибо он — неугасимый!

*Михаил Песин,
поэт, член Союза писателей Москвы*

Для тех, кто завтра придёт

О творчестве Людмилы Ефремовой

Прекрасному предела нет. Так же как и совершенству.

Поэт прекрасен тем, что жив, непредсказуем и меняется каждую секунду; он в той же мере дитя мгновения, в какой и ребёнок Вечности.

Как нам быть с теми, кто уже ушёл за горизонт, перешагнул Порог?

Людмила Ефремова, Мила Ефремова, Мила... Людмила — милая людям. И — милая стихам, любимая стихами: ощущение, что она носила стихи за пазухой, у сердца, как драгоценных белых голубей, и, внезапно и сильно руками взмахнув, выпускала их, бросала в небо: летите!

Бросала — людям... крылатый хлеб поэзии, крылатую мечту о вечном путешествии, о вечном Мире в сердце твоём...

Мила ушла. Ушла ли, если её стихи — с нами? Может, ей ещё только предстоит прийти к людям? Вернутся голуби. Возвратятся странники по звёздам. Они не расскажут о скитаниях своих: они о них — споют.

Молчи, молчи. В глубинах зреет слово,
Ему ещё являться не черёд,
Оно ещё для дела не готово —
Не дышит, не играет, не поёт.

Молчи, молчи, наивный прорицатель,
До времени замкни свои уста,
Следи покуда за гаданьем капель
По розовой ладони лепестка.

Переживай зерна произрастанье
И вымиранье редкостных зверей.
Пусть не открыть — пытайся вникнуть в тайну
Всего живого на земле твоей. (...)

Мила — смелый человек. Она нарушала, разрушала, запрещала, возрождала, воскрешала себя. Собирала по крохам. Лепила на ощупь, вслепую. Улыбалась, когда особенно крепко и дико судьба хватала за горло. Она, как в той знаменитой старой песне, шла по жизни смеясь, и только самые близкие, самые родные и любимые люди видели её слёзы, понимали её отчаяние, утешали и утишали её боль и горечь. Человек не живёт без трагедии, особенно поэт, изначально настроенный на камертон радости, но вынужденный жить в самой сердцевине земных страданий.

Как преодолеть Время? Как с ним, с главным врагом, побороться? Очень просто: надо стихом обнять и полюбить его. Чистый и честный голос, искренний, полный великой любви, всегда далеко слышен. Но, как любое искусство, поэзия не только искренностью жива; поэзия не терпит приблизительности, лукавства, дилетантства, неумения, лицемерия, лживого пафоса. Для того чтобы сыграть «Лунную сонату» или «Полонез-фантазию», надо сначала долго, страдально, терпеливо учиться музыке. Чтобы играть, как

дышать. Играть, как жить. А жить так, как музыка звучит.
Как поэзия — дышит...

Всё можно, всё — когда бы только знать,
Что это в утешение и в радость.
Пускай бушует девственная младость —
Всё можно, всё — когда бы только знать.

Всё можно, всё — когда бы только знать,
Что светофор не загляделся красным
Бесовским светом... Пусть и без соблазна,
Но кое-что возможно — только б знать.

Всё можно, всё — теперь. Гляди вперёд!
Твой тепловоз оставлен машинистом,

Свистит листва, и стрелочник
неистов...

Всё можно, всё. Теперь —
гляди вперёд!

От нижегородских круч над
Волгой-матушкой до сибир-
ских гольцов, от якутских си-
них, железных морозов до жёл-
то-каменного, песчаного зноя
Иерусалима — немало щедро-
стей показала ей Земля-плане-
та, поднесла судьба-звезда, как
хлеб-соль, на широком зимнем,

